

УДК 80

ПЕРЕВОД: ИСКУССТВО ИЛИ ТЕХНИЧЕСКАЯ ПРОЦЕДУРА?

**Изотова Лариса Александровна, преподаватель
Данилик Ксения Александровна, студент
Никитенко Павел Павлович, студент
Полесский государственный университет**

TRANSLATION: ART OR TECHNICAL PROCEDURE?

**Izotova Larisa, lecturer, lar-izotova@ya.ru
Danilik Ksenia, kdanilik00@gmail.com
Nikitenko Pavel, nikitenkopasha2@gmail.com
Polessky State University**

Аннотация. В статье рассматриваются границы применимости искусственного интеллекта в переводческой деятельности, а также принципиальные различия между интерпретацией как актом творчества и технической процедурой подбора соответствий.

Ключевые слова: искусственный интеллект, машинный перевод, межкультурная коммуникация, художественный перевод, искусство, культурный код.

Abstract. The article examines the limits of artificial intelligence applicability in translation activities, as well as the fundamental differences between interpretation as a creative act and a technical procedure of matching correspondences.

Keywords: artificial intelligence, machine translation, intercultural communication, literary translation, art, cultural code.

В эпоху цифровой трансформации много говорят о том, что технологии обесценивают профессии. В списке тех, кто находится под угрозой, часто оказываются переводчики. Но за привычным вопросом о том, сможет ли заменить эту профессию искусственный интеллект, скрываются и другие немаловажные вопросы: если машина быстро подбирает слова, передает ли она смысл; что происходит с общением, когда мы отдаем алгоритму то, что раньше требовало живого присутствия [2]. Эти вопросы становятся особенно острыми в контексте межкультурной коммуникации, где цена недопонимания может быть чрезвычайно высокой.

Когда человек открывает приложение-переводчик, за скоростью стоит риск ошибки. Хороший переводчик видит не последовательность слов, а интонацию, культурный код, авторский замысел. К. Чуковский писал, что от художественного перевода ждут не просто передачи мыслей автора, но и его литературной манеры, его творческой личности [4, с. 45]. Перевод в таком случае выступает не механическая замена, а акт сотворчества, где переводчик становится посредником между культурами и отвечает за каждый смысловой оттенок. В этом смысле перевод ближе к искусству, чем к ремеслу: он требует не только знания языка, но и способности чувствовать текст, слышать то, что не сказано прямо. Переводчик не просто заменяет слова – он заново создает высказывание в другой языковой среде, сохраняя его энергетику, ритм, ту самую «изюминку», ради которой текст вообще был написан.

К. Чуковский приводит случай, который запоминается надолго. Грузинский поэт С. Чиковани, увидев свои стихи в русском переводе, попросил: «Прошу, чтобы меня не переводили совсем». Ему было невыносимо видеть, как вместо его голоса звучит чужой. Проблема, замечает К. Чуковский, не в том, что переводчик изменит строку, а в том, что он исказит самого автора, придаст ему другое лицо [4, с. 78]. Это дает глубокую почву для размышлений, ведь если даже человек – переводчик, способный к эмпатии и глубокому проникновению в текст, может не справиться с этой задачей, что тогда говорить о машине, чьё «понимание» языка строится на статистике и вероятностях? Когда мы говорим о переводе поэзии, мы говорим о передаче не просто смысла, но и настроения, музыкальности. Это та область, где даже лучшие переводчики спорят друг с другом, предлагая разные варианты, и ни один из них не может считаться единственно верным. Что уж говорить о машине, которая не спорит, не сомневается, а просто выдает наиболее вероятный вариант из тех, что встречались в обучающей выборке.

Чтобы понять, как работает машинный перевод, нужно заглянуть в его техническую основу. Нейросети не изучают языки в том смысле, в каком их изучает человек, они выстраивают многомерные семантические пространства – карты смыслов, где слова служат указателями на общие понятия. В процессе обучения на миллиардах текстов алгоритм выявляет, какие слова чаще всего встречаются рядом, и на этом основании делает выводы о значении. Это позволяет нейросети переводить даже на редкие языки: ей не нужен словарь, ей нужна статистическая модель. Когда мы загружаем в переводчик фразу, машина не «понимает» её в человеческом смысле – она вычисляет наиболее вероятную последовательность слов на другом языке, основываясь на том, что видела в обучающей выборке. Это похоже на то, как если бы человек, не зная иностранного языка, пытался угадать перевод, опираясь на то, как часто те или иные слова встречаются вместе в текстах, которые он когда-то читал.

Разница между человеческим и машинным переводом особенно заметна на текстах, где важна художественная целостность. Возьмем для анализа фрагмент из 35-й сонета У. Шекспира (1590): *«No more be griev'd at that which thou hast done: // Roses have thorns, and silver fountains mud: // Clouds and eclipses stain both moon and sun, // And loathsome canker lives in sweetest bud»*; сравним перевод Н.В. Гербеля (1879): *«Довольно о своем проступке сожалеть: // На розе есть шипы и грязь в ручье серебряном; // И солнцу, и луне случается тускнеть; // Живет же и червяк в венце цветка душистым...»*, и машинный перевод (Google Translate): *«Не скорби больше о том, что ты сделал: // У роз есть шипы, а у серебряных фонтанов грязь: // Облака и затмения оскверняют и луну, и солнце, // И отвратительная язва живет в самом прекрасном бутоне...»*.

Сравнение говорит само за себя. Человек сохраняет ритм и рифму, машина выдает прозаический подстрочник. Переводчик встраивает образы в родную поэтическую традицию (*«ручей серебряный», «венец цветка душистого»*); машинный перевод буквален и теряет выразительность. Человек работает с целой строфой и образами, машина — со словами и вероятностями их сочетаний. У У.Шекспира *«silver fountains»* – *«серебряные фонтаны»*, а переводчик пишет *«ручей серебряный»*. Это не дословно, но по-русски звучит естественно, отзывается где-то в памяти о поэтической традиции. Машина переводит *«серебряные фонтаны»* – технически верно, но фраза звучит как чертеж, а не как строка стихотворения.

У искусственного интеллекта, конечно, есть сильные стороны. Скорость обработки текстов, которую человеку не достичь. Возможность одновременно переводить на несколько языков. Экономическая эффективность при решении рутинных задач – инструкций, технической документации, информационных сообщений. В таких ситуациях ИИ часто выдает результат, которого достаточно

для понимания. Но ограничения не менее серьезны. Искусственный интеллект путается в контексте, не различает стили, сглаживает эмоции. Культурные различия, идиомы, формы вежливости, юмор, ирония – для алгоритмов это почти непреодолимый барьер. К тому же ИИ не несет ответственности за результат. С него нельзя спросить за ошибку, за неудачную коммуникацию, за искаженный смысл. Там, где цена ошибки высока – в дипломатии, медицине, при работе с юридически значимыми документами – без человека не обойтись, ведь такая ошибка может привести к международному конфликту или даже стоить человеческой жизни.

В межкультурной коммуникации смысл часто прячется не в словах, а между ними: в паузах, недомолвках, культурных нормах. Переводчик-человек считывает эти невербальные сигналы, интерпретирует их и находит способы передачи на другом языке. Машина этого делать не может. Она не различает, где собеседник шутит, а где говорит всерьез. Не чувствует, когда лучше смягчить формулировку, а когда, наоборот, говорить жестче. Переводчик-человек выбирает нужный уровень, ориентируясь на контекст. Машина же часто использует нейтральную форму, которая может прозвучать неуважительно или, наоборот, излишне официально.

О. Громыко точно заметила, что «искусственный интеллект становится всё более популярным из-за вымирания естественного» [1]. Парадокс в том, что, гонясь за эффективностью, мы отдаем алгоритмам то, где как раз нужно человеческое участие: эмпатия, чувство такта, понимание статуса собеседника. Влияние искусственного интеллекта на язык уже заметно. Появляется так называемая «ИИ-лексика» – слова и конструкции, характерные для ответов нейросетей, которые начинают проникать в человеческую речь. Меняется структура речи, она становится более длинной, более структурированной и менее эмоционально насыщенной. Возникает эффект унификации: люди начинают воспринимать стиль ИИ как образец, которому нужно следовать, что ведет к исчезновению индивидуальных речевых особенностей. Нейросети не всегда корректно обрабатывают нестандартные диалекты, что может приводить к их стиранию либо карикатурному воспроизведению. Язык из живого делания превращается в потребление готового продукта. И это, пожалуй, самый тревожный сигнал. Когда мы перестаем искать точное слово, чувствовать стиль, различать оттенки – мы теряем не только навык, но и часть себя. Язык – это не просто инструмент коммуникации, это способ мышления, способ быть человеком.

Таким образом, искусственный интеллект остается где-то между словом и смыслом. Он соединяет языки, но не соединяет миры. В передаче фактов и стандартных конструкций он достиг многого. Но там, где важны культурный контекст, эмоция, авторский голос, машина остается инструментом, а не субъектом. Проблема не в том, что ИИ плох, а в том, что мы наделяем его полномочиями, которых у него нет. Мы путаем перевод с пониманием, скорость с глубиной, точность с адекватностью. Мы просим алгоритм делать то, что он по своей природе делать не может, и потом удивляемся, когда результат оказывается не таким, как мы ожидали.

Ж. Фреско, известный промышленный дизайнер и футуролог, говорил, что «если технология не освобождает людей от рутины, чтобы они могли преследовать более высокие цели человечества, тогда весь технический прогресс бессмысленен» [3]. Искусственный интеллект полезен в том, что может взять на себя рутину и оставить человеку пространство для творчества, интерпретации и ответственности за смысл. Перевод – это не просто передача информации, это искусство быть мостом между культурами. Оно требует не только языковой компетенции, но и культурной чуткости, способности слышать несказанное, чувства ответственности. Технологии дают нам слова друг друга, но, чтобы понять смысл, мы все равно нуждаемся во встрече – в культуре, в контексте, в живом диалоге. Мост без человека на нем – это просто конструкция.

Скорость, с которой ИИ обрабатывает тексты, создает иллюзию, что сложность коммуникации преодолима через алгоритмы. Но сложность эта не в количестве слов, а в том, что каждый акт речи – это еще и акт доверия, и акт интерпретации, и акт ответственности. Машина может быть посредником, но только человек может быть свидетелем, чувствующим и понимающим. Мы учимся говорить и понимать не по учебникам, а в отношениях с другими людьми. И то же самое происходит с переводом: лучшие переводчики становятся ими не потому, что выучили много слов, а потому, что много читали, много путешествовали, много общались, много чувствовали. Этого машине не дано.

Для тех, кто сегодня выбирает профессию переводчика, это означает не конец карьеры, а смену роли. Техническая часть работы – подбор соответствий, проверка терминологии, первичная обра-

ботка текста – все чаще отходит алгоритмам. Но то, что остается, становится ценнее: умение слышать подтекст, чувствовать стиль, находить слова там, где их нет в словаре, нести ответственность за каждую фразу. Именно это умение – не столько переводить слова, сколько передавать смыслы – остается человеческой привилегией. И чем увереннее шагает технология, тем отчетливее видно: подлинный перевод – это всегда событие встречи, а не операция. Встречи двух языков, двух культур, двух людей. И в этой встрече машина может быть помощником, но главными остаются люди.

Список использованных источников

1. Громыко, О. Искусственный интеллект становится все более популярным из-за вымирания естественного: [сайт]. – Москва, 2011–2026. – URL: <https://citary.info/book/olga-gromyko?page=8> (дата обращения: 20.03.2026).
2. Карьерный портал: [сайт]. – Москва, 2000–2026. – URL: <https://career.hh.ru/article/professii-kotorye-zamenit-ii> (дата обращения: 20.03.2026).
3. Фреско Ж. Цитаты о технологиях: [сайт]. – Москва, 2005–2026. – URL: <https://ru.citary.net/temy/tekhnologii> (дата обращения: 20.03.2026).
4. Чуковский, К.И. Высокое искусство / К.И. Чуковский. – Москва : Искусство, 1968. – 384 с.